

Тропов И. А. Женщины-работницы Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX века / И. А. Тропов, А. В. Федькин, А. А. Конкин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 335—348. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-335-348.

Tropov, I. A., Fedkin, A. V., Konkin, A. A. (2020). Women Workers of St. Petersburg in the Late 19th — early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12: 335-348. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-335-348. (In Russ.).

УДК 94:396.1(470.23-25)“189/201”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-335-348

ЖЕНЩИНЫ-РАБОТНИЦЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© **Тропов Игорь Анатольевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-2926-9914, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский горный университет» (Санкт-Петербург, Россия), i-tropov@yandex.ru.

© **Федькин Андрей Васильевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-8269-1006, заведующий отделом, государственное бюджетное учреждение дополнительного образования «Центр детско-юношеского технического творчества и информационных технологий Пушкинского района Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург, Россия), andr.f@bk.ru.

© **Конкин Андрей Алексеевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-5341-2741, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Военный институт (инженерно-технический), федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва» Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), aspid8889@rambler.ru.

Статья посвящена анализу условий трудовой деятельности, а также особенностей семейной жизни и быта женщин, занятых на предприятиях фабрично-заводской промышленности Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков. На современном этапе развития России по-прежнему сохраняется высокая доля женского труда в промышленности, что обуславливает актуальность исследуемой проблемы с целью учета исторического опыта в регулировании сложной сферы трудовых отношений. В статье поднимается вопрос об основных факторах формирования женской рабочей силы в Санкт-Петербурге в пореформенный период. Выявляются отрасли производства, в которых женский труд был представлен наиболее широко. Подробно рассматриваются вопросы, связанные с особенностями профессиональной деятельности работниц (условия труда, уровень зарплаты, проблемы социальной защищенности и пр.). Анализируются обстоятельства приватной, личной жизни, раскрывается влияние на семейный быт материальных факторов жизни работниц. Сделан вывод о том, что противоречия между новым статусом женщины, способной самостоятельно определять свою судьбу, и сохранением ее неполноправного положения в обществе, обусловили широкое участие женщин-работниц в политической жизни Петербурга в годы Первой мировой войны и революции 1917 года.

Ключевые слова: Санкт-Петербург; женщины-работницы; фабрично-заводская промышленность; условия труда; материально-бытовое положение; повседневная жизнь.

1. Введение

Социальная история как особое научное направление сформировалась в рамках так называемой «новой исторической науки», основы которой были заложены на рубеже 20-х—30-х годов XX века группой французских ученых во главе с Мар-

ком Блоком и Люсьеном Февром. Сегодня данное направление, сущность которого состоит в осознании «необходимости взгляда на историческую реальность с точки зрения представлений и ценностей самих участников исторического процесса», является одним из динамично развивающихся [Воскресенская, 2017, с. 199].

Вместе с тем внимание исследователей к различным аспектам социальной истории распределяется неравномерно. В числе сюжетов, нуждающихся в дополнительном, углубленном изучении, находятся проблемы условий труда и быта женщин-работниц фабрично-заводской промышленности Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков. Актуальность обращения к данной теме обусловлена необходимостью формирования целостного представления о жизни столичного пролетариата, в среде которого женские установки и модели поведения существенно отличались от мужских. Без анализа «женской истории» невозможно воссоздать во всей полноте и противоречивости социальную историю Санкт-Петербурга, как и не объяснить значимую роль женщин в общественно-политической жизни столицы в условиях Первой мировой войны и революционных событий 1917 года.

В советской историографии, преимущественно в контексте общей истории России, рассматривались вопросы воспроизводства женской рабочей силы в фабрично-заводской промышленности, уровень заработной платы женщин, некоторые аспекты их бытовой жизни в столице и регионах [Кириянов, 1979; Крузе, 1976; Крузе, 1981]. Господствовавшие в исторической науке идеологические установки не позволяли авторам заняться более плодотворной разработкой проблем социальной истории женщин-работниц [Северцева, 2020, с. 130—133].

Современная историография обогатилась новыми методологическими подходами (история повседневности, гендерная история и др.), и вместе с тем значительно расширилась тематика научных работ. Вышли фундаментальные труды об уровне заработной платы рабочих и работниц [Волков, 2018], о положении детей в рабочих семьях [Синова, 2014]. Рассматриваются проблемы социальной защищенности фабричных работниц Санкт-Петербурга [Северцева и др., 2018]. Ценные сведения о социально-экономическом положении питерских «пролетарок» введены в научный оборот О. Б. Вахромеевой [Вахромеева, 2009]. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы нашли свое отражение в научных трудах зарубежных ученых [Glickman, 1986; Haimson, 2005]. Однако комплексная характеристика социального положения и быденной жизни столичных работниц в конце XIX — начале XX веков еще не становилась предметом самостоятельного исследования.

Основными источниками настоящего исследования послужили статистические данные о положении работниц дореволюционного Санкт-Петербурга (в том числе почерпнутые из архивных фондов), обобщенные результаты проводимых в начале XX века анкетирований в рабочей среде, делопроизводственная документация промышленных предприятий Санкт-Петербурга, а также публицистические материалы, отражавшие различные стороны трудовой и личной жизни женщин-работниц столицы Российской империи.

2. Промышленные рабочие Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков: особенности формирования и состава

Пореформенные десятилетия и, в особенности, конец XIX — начало XX веков — это время становления индустриального Санкт-Петербурга, который с июля 1871 года был выделен из состава столичной губернии и представлял собой отдельную административную единицу (градоначальство) [ПСЗ, 1874, с. 68]. Именно здесь было сосредоточено подавляющее большинство промышленных предприятий северо-западного региона Российской империи. По данным местного губернского статистического комитета, в 1886 году в столице вместе с уездом размещалось 536 предприятий разных отраслей промышленности, в то время как в остальной части губернии насчитывалось только 142 фабрично-заводских предприятия [ЦГИА СПб., ф. 260, оп. 1, д. 283, л. 1—5].

Концентрация и общая численность рабочих в столице и в ее ближайших окраинах также была в десятки раз выше, чем в остальной части губернии. Из общего числа 282 926 чел. рабочих разных отраслей промышленности, проживавших в Санкт-Петербурге и в Санкт-Петербургской губернии к началу XX века, 248 417 чел. (88 %) приходилось именно на столицу [Численность ..., 1906, с. 2].

Среди столичного пролетариата почти половина (122 586 чел.), как явствует из приложений к общим журналам заседаний Совета министров за декабрь 1907 года, были заняты на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, то есть на крупнейших производствах [РГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 73, л. 58]. Но всё же, наряду с развитой фабрично-заводской промышленностью (16 и более рабочих при использовании парового или водяного двигателя), в Санкт-Петербурге продолжали существовать и мелкие предприятия, что свидетельствовало о незавершенности индустриализации и о сохранении многоукладного характера экономики [Веренко, 2001, с. 59—61].

В конце XIX — начале XX веков в Санкт-Петербурге, как и в других промышленных центрах страны, кадры рабочих пополнялись преимущественно выходцами из деревни. «Крестьяне периодически перекочевывают из деревни в столицу на отхожие промыслы, точно перелетные птицы, — на зиму возвращаются домой», — отмечал в связи с этим известный дореволюционный писатель и краевед А. А. Бахтияров [Бахтияров, 1994, с. 155—156]. Но наряду с этой категорией была и другая группа «отходников» — они прибывали из отдаленных губерний (Тверской, Ярославской, Костромской и др.), оседая в столице на весьма продолжительное время [Лурье, 2020, с. 26—48]. Доля выходцев из крестьянского сословия, как показывают данные городских переписей, в Санкт-Петербурге неуклонно возрастала — с 41,9 % в 1881 году до 61,3 % к 1900 году [Валетов, 2008, с. 179]. Из них, главным образом, и формировался слой постоянных рабочих кадров — потомственного пролетариата.

Крайне непростые условия материального существования трудящегося населения в пореформенные годы в сочетании с открывшимися новыми возможностями для самореализации способствовали эмансипации женщин. Они занимали все более заметное место в различных сферах жизни общества. В Санкт-Петербурге,

по данным Всеобщей переписи населения 1897 года, среди рабочих всех профессий (без фабрично-заводской прислуги) насчитывалось 38 604 женщины (16 % от числа всех рабочих столицы), что было несколько выше общероссийских показателей [Бернштейн-Коган, 1910, с. 30]. Причем в некоторых отраслях доля женского труда была особенно значительной: среди рабочих табачных фабрик женщин было свыше 84 %, в хлопчатобумажной промышленности — около 55 %, на предприятиях химического производства — более 29 % [Бернштейн-Коган, 1910, с. 32—33].

3. Условия труда женщин-работниц Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков

Один из первых вопросов, который возникает при обращении к социальной истории рабочих, состоит в выяснении возраста начала их трудовой деятельности. Здесь наблюдаются некоторые различия между дочерьми городского пролетариата («потомственных рабочих») и выходцами из деревни.

По данным специального анкетирования, проведенного в Санкт-Петербурге в 1912 году, из числа детей «потомственных рабочих» не менее 18 % всех опрошенных женщин начали свою трудовую деятельность в возрасте младше 12 лет и не менее 34 % — в возрасте от 13 до 17 лет. «Дочери пролетариев начинают свою карьеру в сфере личных услуг, — поступают сперва в няни, прислуги, — и только позднее <...> переходят на заводы, фабрики, мастерские» [Вигдорчик, 1914, с. 7].

Женщины-крестьянки уходили в город либо по достижении 18-летнего возраста, до этого времени приобщаясь к трудовым навыкам в деревне (уход за младшими членами семьи, помощь по хозяйству, обучение штопке, прядению и пр.) [Мухина, 2014, с. 102], либо в более зрелом возрасте. В последнем случае это были как замужние, так и одинокие взрослые женщины («старые девы» («вековухи»), вдовы, а также разведенные или формально состоявшие в браке, но фактически жившие раздельно). Различия между ними касались прочности связей с городом. Замужние чаще уходили на временные заработки, преимущественно для того, «чтобы внести свой вклад в семейное хозяйство», одинокие переезжали в город «насовсем», полностью порывая с крестьянским миром [The Cambridge history ..., p. 320].

В фабрично-заводских помещениях женщины проводили значительную часть времени. Пространства цехов и мастерских, с их пылью, грязью, слабой вентиляцией и с узким проходом между станками, «по которому надо идти с величайшей осторожностью, иначе машина может захватить платье» [Женский вестник, 1905, с. 73], — являли собой те физические границы, в которых собственно и формировалась трудовая повседневность рабочих.

С конца XIX века государство стало оказывать нормирующее влияние на использование женского труда в промышленности. С 1885 года российское законодательство воспрещало ночной труд женщин, а принятый в июне 1897 года закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» сокращал рабочий день до 11,5 часов.

Однако эти правовые нормы соблюдались далеко не повсеместно. В ряде случаев (с особого разрешения губернских властей) допускались временные ночные работы с участием женщин, нередким явлением были также сверхурочные работы. Причем фабрично-заводская администрация порой стремилась перевести в разряд «обязательных», то есть неоплачиваемых сверхурочных работ (как для женщин, так и для мужчин) даже уборку производственных помещений и дворовых территорий [Северцева, 2016, с. 50]. Если мужчинами это воспринималось как несправедливость, как откровенный произвол предпринимателей и администрации, то возмущение женщин в отношении различных способов удлинения рабочего дня определялось прежде всего потребностью как можно скорее по завершении рабочего дня покинуть предприятие, чтобы успеть сделать домашние дела [Северцева, 2016, с. 51].

Женский труд, как неоднократно отмечалось и современниками, и более поздними исследователями, ценился намного ниже труда мужчин. Например, в 1901—1902 годах средний дневной заработок на питерских ситцепечатных фабриках у мужчин составлял 92, 1 коп., а у женщин — всего 55, 7 коп. Правда, здесь женщины выполняли более простые по сравнению с мужчинами производственные операции. Но и на ткацких фабриках, где трудовая нагрузка не зависела от половой принадлежности, в аналогичный период мужчины зарабатывали в среднем 99 коп. за смену, а женщины — на 22 копейки меньше [Leontief, 1906, S. 74—77]. Примерно такое же соотношение в оплате существовало и на петербургских фабриках «Общества Российско-Американской резиновой мануфактуры» («Треугольник») [Бернштейн-Коган, 1910, с. 117—118].

Документальные источники в целом подтверждают устоявшийся в историографии вывод о том, что за аналогичную работу женщинам платили примерно на треть меньше, чем мужчинам [Волков, 2018, с. 80]. Добавим к этому только то, что конкретное соотношение заработной платы женщин и мужчин зависело от многих факторов, связанных как с объемами производства и выполняемой работниками нагрузкой, так и с уровнем образования, квалификации и даже возраста рабочих.

Различия в оплате труда мужчин и женщин были маркером существовавших в обществе гендерных стереотипов, а не показателями вознаграждения за более «легкий» или за более «тяжелый» труд. В этом плане весьма показателен тот факт, что государственные органы, рассчитывая минимальный уровень зарплаты, необходимый для «здорового существования» одиноких рабочих, определяли для мужчин в качестве нижнего порога 21 руб. в месяц, а для женщин — только 17 руб., то есть и на государственном уровне воспроизводились социальные стереотипы и сложившиеся иерархии в оплате труда мужчин и женщин [Лисовский, 1906, с. 95—96].

Обычным явлением на производстве была система материальных взысканий, в которой царил своеволие начальства. «Штрафы на некоторых прядильнях и ткацких фабриках, — отмечал по этому поводу в 1905 году «Женский вестник», — налагаются легко, увольнения за малейшие провинности совершаются часто. В обоих случаях господствует совершенный произвол, и главную роль играет бли-

жайшее начальство — мастера, которые по отношению к работницам часто злоупотребляют своей властью» [Женский вестник, 1905, с. 73]. Страшная ругань, обильно перемежаемая ненормативной лексикой со стороны мастеров и рабочих, была практически постоянным элементом трудовых будней женщин-работниц [Вахромеева, 2009, с. 102]. Кроме того, распространенным явлением в отношении работниц были сексуальные домогательства. Из-за страха опозорить себя, а также боясь потерять работу и остаться без источника средств существования, фабричные работницы зачастую терпели подобное поведение представителей администрации [Женский вестник, 1911, с. 47].

Вместе с тем на петербургских предприятиях реализовывались и некоторые меры социальной поддержки женщин. Так, на основании закона 23 июня 1912 года о страховании рабочих на предприятиях с числом работников 200 чел. и выше формировались больничные кассы. Как показывают, в частности, делопроизводственные материалы Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуры, больничные кассы играли значимую роль в жизни работниц. Женщины получали не только пособия по болезни, но и выплаты в связи с беременностью (в течение двух недель до родов) и в течение месяца после родов [Отчет ..., 1915, с. 9].

4. Обыденная сфера семейной жизни работниц Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков

Специфика повседневной жизни петербургских работниц во многом определялась не только их материальным, но и семейным положением. В рассматриваемый период абсолютное большинство рабочих Санкт-Петербурга (86,5 % мужчин и 85,6 % женщин) жили вне семьи или не имели её вовсе. Характерно, что данный показатель существенно превышал среднее значение по России (58,4% и 48,8% соответственно) [Бернштейн-Коган, 1910, с. 53].

Одиноким работницам, не отягощенным семейными заботами, открывались более широкие возможности для проведения свободного времени. Большой популярностью в их среде пользовались посиделки, беседы, походы и поездки друг к другу в гости, вечеринки с песнями и танцами под гармошку. Нередко такие мероприятия сопровождались распитием спиртных напитков. Пьянство было распространено не только среди рабочих-мужчин, но также не было чуждо и женщинам [Марасанова и др., 2020, с. 562]. Курение, наоборот, у столичных работниц популярностью не пользовалась. Так, например, в отчете М. Давидовича, изучавшего положение петербургских текстильщиков и текстильщиц, зафиксировано 56 % курящих мужчин и ни одной курящей женщины [Давидович, 1912, с. 28].

Вместе с тем, по мере культурного развития городского рабочего населения, спросом пользовались и более интеллектуальные формы организации досуга. По данным на 1914 год, грамоте были обучены 56 % петербургских работниц [Поршнева, 2004, с. 126]. Зачастую они становились слушательницами публичных лекций, участницами тематических бесед, посетительницами литературно-музыкальных вечеров, выставок и других мероприятий [Труды ..., 1909, с. 571—580].

Например, в первом полугодии 1898 года внимание работниц Александровской мануфактуры К. Я. Паля привлекла передвижная выставка, организованная Санкт-Петербургским обществом трезвости. Девушки и женщины заинтересовались образцами ручной работы, для них в вечернее время при выставке были организованы курсы рукоделия [Просветительная деятельность ..., 1898, с. 1—3].

Для семейных работниц возможности организации собственного досуга резко сокращались. Несмотря на трансформацию гендерных ролей, вся тяжесть ведения домашнего хозяйства по-прежнему ложилась на женщин. Приготовление пищи, стирка и уборка, уход за детьми не только отнимали у домашней хозяйки силы, но и почти не оставляли ей свободного времени.

В рабочих семьях почти в половине случаев (48 %) матери были вынуждены заниматься наемным трудом. Поиски работы были обусловлены нехваткой средств в семье. «Если заработок мужа дает возможность удовлетворить хотя бы главные жизненные потребности семьи, женщина остается дома и посвящает себя семье», — отмечали современники [Вигдорчик, 1914, с. 6—7]. В некоторых рабочих семьях, сдававших часть жилья внаем, способом дополнительного заработка для женщин была стирка белья и приготовление пищи для квартирантов.

Серьезной социальной проблемой в рабочих семьях было пьянство мужа. Боязь, что мужья, получив заработок, тут же «запьют» и оставят семью голодать, вынуждала женщин дежурить в расчетные дни у фабрик и ремесленных мастерских. «Женщины бросаются на рабочих, тащат их за собой и настойчиво требуют выдачи заработка, а если те упираются или стараются утаить часть денег — без церемонии выворачивают у них карманы и производят обыск», — отмечал в конце XIX столетия известный петербургский журналист В. О. Михневич [Михневич, 2003, с. 518]. Женщина зачастую подвергалась оскорблениям и побоям пьяницы-мужа, который не только пропивал свой собственный заработок, но отнимал у жены «гроши, заработанные ее тяжелым трудом», а также «пропивал» домашнее имущество [Женский вестник, 1908, с. 67—68].

По причине неустроенности быта, неуверенности в завтрашнем дне и вынужденной работы на фабрике женщина не могла уделять должное внимание воспитанию детей, что, в свою очередь, порождало новые проблемы в рабочей среде. Система детских садов, яслей и приютов в рассматриваемый период еще не получила достаточного развития. Далеко не всегда полноценную помощь по присмотру за малолетними детьми могли оказать и ближайшие родственники. Как правило, эта задача доверялась младшим членам семьи, девочкам 8—12 лет [Вигдорчик, 1914, с. 10—11]. Детская безнадзорность стала причиной многих негативных социальных явлений конца XIX — начала XX веков: роста детской преступности, уличного хулиганства, бродяжничества, а также детской проституции и алкоголизма [Труды ..., 1909, с. 264].

Следует отметить, что даже в условиях затруднительного материально-бытового положения работницы всеми силами старались следить за своим внешним видом, стремясь подчеркнуть свою индивидуальность и затрачивая на одежду намного больше средств по сравнению с мужчинами [Давидович, 1912, с. 11—13].

«Пролетарки» питали слабость к серебряным и позолоченным украшениям [Засовов и др., 2003, с. 159—160] и нередко вынуждены были экономить на еде, чтобы «позволить себе пару сапог или красивое платье» [The Cambridge history ..., p. 320].

5. Заключение

В конце XIX — начале XX веков женщины составляли значимую часть столичного пролетариата. Превращению женского труда на фабриках в обыденное явление способствовало несколько ключевых факторов: во-первых, это растущее аграрное перенаселение, усилившее кризис традиционного крестьянского хозяйства и буквально выталкивавшее «лишних» людей в города, во-вторых, повышению интенсивности отхода крестьянок способствовали высокие темпы индустриализации при отставании уровня механизации производства, что значительно повышало спрос на дешевую рабочую силу.

Устройство и функционирование крупного столичного города в целом и условия фабрично-заводского производства, в частности, накладывали ощутимый отпечаток на все стороны жизни женщин-«пролетарок». Вчерашние домохозяйки становились самостоятельно определяющими свою судьбу наемными работницами, они были вынуждены осваивать «мужские» функции и даже конкурировать с мужчинами на рынке труда. Вместе с тем женский труд ценился значительно ниже мужского, существовал низкий уровень социальной защиты работниц, им приходилось терпеть произвол, притеснения и домогательства со стороны заводского начальства, а также нередко испытывать негативное отношение со стороны рабочих-мужчин, считавших их едва ли не главными виновницами занижения заработной платы.

Трансформацию традиционных гендерных ролей под воздействием материальных тягот мы наблюдаем также в сфере приватной, личной жизни женщин-работниц. Большинство из них (более 85 %) проживали либо одни, либо существовали в незаконном браке с мужчиной-рабочим. На городских окраинах свободное сожителство мужчин и женщин, в отличие от деревенских традиций, не скрывалось и не вызвало морального осуждения со стороны общественности. Положение одиноких и семейных (вне зависимости от того, «венчанный» это был брак или нет), различалось. Одинокие были предоставлены сами себе, имели больше возможностей распоряжаться свободным временем, они же имели и больше возможностей заниматься собой и своим внешним видом. На плечи семейных женщин, как и в деревне, ложились основные тяготы ведения домашнего хозяйства и воспитания детей.

Включенная в процессы индустриализации и урбанизации, женщина-работница разрывала связи не только с деревней, но и с деревенским укладом. Степень ее самостоятельности в жизни и личной ответственности заметно повышалась, возрастали также ее потребности, что вступало в резкое противоречие с неполноправным положением женщины в обществе, в котором она воспринималась лишь как дешевая рабочая сила, призванная безропотно сносить все тяготы жизни. Это основное противоречие, осязаемое женщинами на повседневном уровне, стало

важнейшим фактором, обусловившим их широкое и мощное участие в протестных движениях в Петрограде в годы Первой мировой войны и в революционных событиях в 1917 году.

Источники и принятые сокращения

1. *Бахтиаров А. А.* Брюхо Петербурга : очерки столичной жизни / А. А. Бахтиаров. — Санкт-Петербург : РИА Ферг, 1994. — 221 с.
2. *Бернштейн-Коган С. В.* Численность, состав и положение петербургских рабочих: опыт статистического исследования / С. В. Бернштейн-Коган. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого, 1910. — 188 с.
3. *Вигдорчик Н. А.* Детская смертность среди петербургских рабочих (по данным анкеты) / Н. А. Вигдорчик. — Москва : типо-лит. В. Рихтер, 1914. — 43 с.
4. *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах / М. Давидович. — Санкт-Петербург : типо-лит. Шредера, 1912. — 32 с.
5. *Женский вестник* : журнал. — 1905. — № 3; 1908. — № 3; 1911. — № 2.
6. *Засосов Д. А.* Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX веков: записки очевидцев / Д. А. Засосов, В. И. Пызин. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 467 с.
7. *Лисовский Н. М.* Рабочие в Военном ведомстве : (по поводу «Грудов» высочайше учрежденной Комиссии по улучшению быта рабочих Военного ведомства) / Н. М. Лисовский. — Санкт-Петербург : тип. Тренке и Фюсно, 1906. — 240 с.
8. *Михневич В. О.* Языв Петербурга: опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения / В. О. Михневич. — Санкт-Петербург; Москва : Лимбус Пресс, 2003. — 779 с.
9. *Отчет* больницы кассы при Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуре за 1914 год. — Шлиссельбург : [б.и.], 1915. — 16 с.
10. *Просветительная* деятельность С.-Петербургского общества трезвости в целях отвлечения от пьянства: первая передвиж. по селам и деревням пед.-пром. выст. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1898. — 14 с.
11. ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том XLVI. Отделение второе. № 49833. — Санкт-Петербург : [б.и.], 1874. — С. 67—68.
12. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 73. Л. 58.
13. *Труды* 1-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10—16 декабря 1908 года. — Санкт-Петербург : типо-лит. С.-Петербургской Одиной тюрьмы, 1909. — 927 с.
14. ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 260. Оп. 1. Д. 283. Лл. 1—5.
15. *Численность* и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / [редактор Н. А. Тройницкий]. — Санкт-Петербург : типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1906. — Том 1. — 322 с.
16. *Leontief W.* Die Lage der Baumwollarbeiter in St. Petersburg / W. Leontief. — München, 1906. — 114 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валетов Т. Я.* Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX — начала XX в. / Т. Я. Валетов // Социальная история : ежегодник, 2007. — Москва : Росспэн, 2008. — С. 176—196.

2. *Вахромеева О. Б.* Положение петербургских фабричных работниц в конце XIX — начале XX в.: социально-экономический аспект (по материалам ЦГИА СПб) / О. Б. Вахромеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2009. — № 1. — С. 101—106.
3. *Веременко В. А.* Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX — начало XX вв.) / В. А. Веременко, И. А. Тропов // Социально-экономическая и политическая модернизация в России (XIX—XX вв.): сборник научных статей / ответственный редактор И. В. Кочетков. — Санкт-Петербург: Клио, 2001. — С. 55—63.
4. *Волков В. В.* Заработная плата русских рабочих в конце XIX — начале XX в. / В. В. Волков // Вопросы истории. — 2018. — № 10. — С. 67—89.
5. *Воскресенская М. А.* Исследование культурной проблематики в предметном поле исторической науки / М. А. Воскресенская // Историк. Время. Общество: сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926—2014). — Москва: Новый хронограф, 2017. — С. 184—208.
6. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.) / Ю. И. Кирьянов. — Москва: Наука, 1979. — 287 с.
7. *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. / Э. Э. Крузе. — Ленинград: Наука, 1976. — 299 с.
8. *Крузе Э. Э.* Условия труда и быта рабочего класса России в 1900—1914 гг. / Э. Э. Крузе. — Ленинград: Наука, 1981. — 143 с.
9. *Лурье Л. Я.* Соседский капитализм. Крестьянские землячества Петербурга конца XIX — начала XX века / Л. Я. Лурье. — Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. — 370 с.
10. *Марасанова В. М.* Женский досуг в фабричной повседневности: текстильные предприятия Ярославской губернии во второй половине XIX — начале XX в. / В. М. Марасанова, Ю. А. Кривошеева // Via in Tempore. История. Политология. — 2020. — № 47 (3). — С. 559—567.
11. *Мухина З. З.* Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект / З. З. Мухина // Этнографическое обозрение. — 2014. — № 2. — С. 99—115.
12. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. — Москва: РОССПЭН, 2004. — 365 с.
13. *Северцева О. В.* Повседневность рабочих промышленности Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. в советской историографии / О. В. Северцева // Женщина в российском обществе. — 2020. — № 1. — С. 127—136. — DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.10.
14. *Северцева О. В.* Продолжительность и распределение рабочего времени женщин на заводах и фабриках Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX в. / О. В. Северцева // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. — Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. — С. 48—52.
15. *Северцева О. В.* Расчетные книжки рабочих промышленных предприятий Санкт-Петербурга конца XIX—начала XX века / О. В. Северцева, В. А. Веременко // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. — 2018. — № 3 (27). — 149—157. — DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.14.
16. *Синова И. В.* Дети в городском российском социуме во второй половине XIX — начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения / И. В. Синова. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014. — 287 с.
17. *Glickman R. L.* Russian factory women: Workplace and Society, 1880—1914 / R. L. Glickman. — Berkeley etc.: University of California Press, 1986. — 325 p.
18. *Haimson L.* Russia's Revolutionary Experience, 1905—1917: Two Essays / L. Haimson. — New York: Columbia University Press, 2005. — 265 p.

19. *The Cambridge history of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689—1917* / Dominic Lieven (ed.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 794 p.

WOMEN WORKERS OF ST. PETERSBURG IN THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

© Igor A. Tropov (2020), orcid.org/0000-0002-2926-9914, Doctor of History, Associate Professor, Professor, Department of History, Saint Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia), i-tropov@yandex.ru.

© Andrey V. Fedkin (2020), orcid.org/0000-0002-8269-1006, Head of Department, State Budgetary Institution of Continuing Education “Center for Children and Youth Technical Creativity and Information Technologies of the Pushkin District of St. Petersburg” (St. Petersburg, Russia), andr.f@bk.ru.

© Andrei A. Konkin (2020), orcid.org/0000-0002-5341-2741, PhD in History, Associate Professor, Department of Humanities, Military Institute (Engineering and Technical), Federal State Owned «Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov» of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia), aspid8889@rambler.ru.

The article is devoted to the analysis of the conditions of labor activity, as well as the peculiarities of family life and everyday life of women employed at the enterprises of the factory industry of St. Petersburg in the late 19th — early 20th centuries. At the present stage of development of Russia, there is still a high proportion of female labor in industry, which determines the relevance of the problem under study in order to take into account the historical experience in regulating the complex sphere of labor relations. The question of the main factors in the formation of the female labor force in St. Petersburg during the post-reform period is raised in the article. The industries in which female labor was most widely represented are identified. Issues related to the peculiarities of the professional activity of female workers (working conditions, level of wages, problems of social protection, etc.) are discussed in detail. The circumstances of private, personal life are analyzed, the influence of material factors in the life of workers on the family life is revealed. It is concluded that the contradictions between the new status of a woman, who is able to independently determine her own fate, and the preservation of her unequal position in society, led to the wide participation of women workers in the political life of St. Petersburg during the First World War and the 1917 revolution.

Key words: St. Petersburg; women workers; factory industry; working conditions; material and household situation; everyday life.

MATERIAL RESOURCES

- Bakhtiarov, A. A. (1994). *Bryukho Peterburga: ocherki stolichnoy zhizni* [The belly of Petersburg: sketches of the life of the capital]. Sankt-Peterburg: RIA Fert. 221 p. (In Russ.).
- Bernshteyn-Kogan, S. V. (1910). *Chislennost', sostav i polozheniye peterburgskikh rabochikh: opyt statisticheskogo issledovaniya* [The number, composition and position of St. Petersburg workers: the experience of statistical research]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii institut imperatora Petra Velikogo. 188 p. (In Russ.).
- Davidovich, M. (1912). *Peterburgskiy tekstilnyy rabochiy v ego byudzhetakh* [Petersburg textile worker in his budgets]. Sankt-Peterburg: tipo-lit. Shredera. 32 p. (In Russ.).
- Leontief, W. (1906). *Die Lage der Baumwollarbeiter in St. Petersburg*. München. 114 S. (In Germ.).
- Lisovskiy, N. M. (1906). *Rabochiye v Voennom vedomstve: (po povodu «Trudov» vysochayshe uchrezhdennoy Komissii po uluchsheniyu byta rabochikh Voennogo vedomstva)* [Workers in the Military Department: (regarding the «Proceedings» of the imperial Commission for the improvement of the life of the workers of the Military Department)]. Sankt-Peterburg: tip. Trenke i Fyusno. 240 p. (In Russ.).
- Mikhnevich, V. O. (2003). *Yazyv Peterburga: opyt istoriko-statisticheskogo issledovaniya nnavstvennosti stolichnogo naseleniya* [Ulcers of St. Petersburg: the experience of historical

- and statistical research of the morality of the capital's population]. Sankt-Peterburg; Moskva: Limbus Press. 779 p. (In Russ.).
- Otchet bolnichnoy kassy pri Shlisselburgskoy sittsenabivnoy manufakture za 1914 god* [Report of the health insurance fund at the Shlisselburg print manufactory for 1914.]. (1915). Shlisselburg: 16 p. (In Russ.).
- Prosvetitel'naya deyatel'nost' S.-Peterburgskogo obshchestva trezvosti v tselyakh otlvlecheniya ot p'yanstva: pervaya peredvizh. po selam i derevnyam ped.-prom. vyst* [Educational activity of the St. Petersburg sobriety society in order to distract from drunkenness: the first movement. in villages and villages ped.-prom. vyst]. (1898). Sankt-Peterburg: 14 p. (In Russ.).
- PSZ — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2. Tom XLVI. Otdeleniye vtoroye. № 49833* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume XLVI. Second branch. No. 49833]. (1874). Sankt-Peterburg. 67—68. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archives.]. F. 1276. Op. 17. D. 73. L. 58.
- Troynitskiy, N. A. (ed.). (1906). *Chislennost' i sostav rabochikh v Rossii na osnovanii dannykh Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The number and composition of workers in Russia based on the data of the First General Census of the Russian Empire in 1897], 1. Sankt-Peterburg: tipo-lit. N. L. Nyrkina. 322 p. (In Russ.).
- Trudy 1-go Vserossiyskogo zhenskogo s'ezda pri Russkom zhenskom obshchestve v S.-Peterburge 10—16 dekabrya 1908 goda* [Proceedings of the 1st All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg, December 10—16, 1908.]. (1909). Sankt-Peterburg: tipo-lit. S.-Peterburgskoy Odnocnoy tyurny. 927 p. (In Russ.).
- TsGIA SPb — *Tsentralnyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg.]. F. 260. Op. 1. D. 283. Ll. 1—5. (In Russ.).
- Vigdorchik, N. A. (1914). *Detskaya smernost' sredi peterburgskikh rabochikh (po dannym ankey)* [Child mortality among St. Petersburg workers (according to the questionnaire)]. Moskva: tipo-lit. V. Rikhter. 43 p. (In Russ.).
- Zasosov, D. A., Pyzin, V. I. (2003). *Povsednevnyaya zhizn' Peterburga na rubezhe XIX—XX vekov: zapiski ochevidtsev* [Everyday life of St. Petersburg at the turn of the XIX—XX centuries: notes of eyewitnesses]. Moskva: Molodaya gvardiya. 467 p. (In Russ.).
- Zhenskiy vestnik: zhurnal* [Women's Bulletin: Journal]. (1905), 3; (1908), 3; (1911), 2. (In Russ.).

REFERENCES

- Glickman, R. L. (1986). *Russian factory women: Workplace and Society, 1880—1914*. Berkeley etc.: University of California Press. 325 p.
- Haimson, L. (2005). *Russia's Revolutionary Experience, 1905—1917: Two Essays*. New York: Columbia University Press. 265 p.
- Kir'yanov, Yu. I. (1979). *Zhiznennyy uroven' rabochikh Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Living standards of workers in Russia (late XIX — early XX century)]. Moskva: Nauka. 287 p. (In Russ.).
- Kruze, E. E. (1976). *Polozheniye rabocheho klassa Rossii v 1900—1914 gg.* [The situation of the working class of Russia in 1900—1914]. Leningrad: Nauka. 299 p. (In Russ.).
- Kruze, E. E. (1981). *Usloviya truda i byta rabocheho klassa Rossii v 1900—1914 gg.* [Working and living conditions of the working class of Russia in 1900—1914]. Leningrad: Nauka. 143 p. (In Russ.).
- Lieven, D. (ed.). (2006). *The Cambridge history of Russia, 2: Imperial Russia, 1689—1917*. Cambridge: Cambridge University Press. 794 p.

- Lurye, L. Ya. (2020). *Sosedskiy kapitalizm. Krest' yanskiye zemlyachestva Peterburga kontsa XIX — nachala XX veka* [Neighboring capitalism. Peasant community of St. Petersburg at the end of XIX — beginning of XX century]. Sankt-Peterburg: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge. 370 p. (In Russ.).
- Marasanova, V. M., Krivosheeva, Yu. A. (2020). Zhenskyy dosug v fabrichnoy povsednevnosti: tekstilnyye predpriyatiya Yaroslavskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [Women's leisure in the factory everyday life: textile enterprises of the Yaroslavl province in the second half of the XIX — early XX century]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in Tempore. History. Political science], 47 (3): 559—567. (In Russ.).
- Mukhina, Z. Z. (2014). Sotsialnyye i vozrastnyye gruppy v traditsionnom russskom krestyanskom sotsiume poreformennogo vremeni: gendernyy aspekt [Social and age groups in the traditional Russian peasant society of the post-reform time: gender aspect]. *Etnograficheskiye obozreniye* [Ethnographic review], 2: 99—115. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2004). *Krestyane, rabochiye i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve and during the First World War]. Moskva: ROSSPEN. 365 p. (In Russ.).
- Severtseva, O. V. (2016). Prodolzhitel'nost' i raspredeleniye rabocheho vremeni zhenshchin na zavodakh i fabrikakh Sankt-Peterburgskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [Duration and distribution of working time of women in factories and factories of St. Petersburg province in the second half of the XIX — early XX century]. In: *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Capital and provinces: relations between the center and regions in the history of Russia: materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina. 48—52. (In Russ.).
- Severtseva, O. V. (2020). Povsednevnost' rabochikh promyshlennosti Sankt-Peterburga vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. v sovetskoy istoriografii [The daily routine of workers in the industry of St. Petersburg in the second half of the XIX — early XX century in Soviet historiography]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 1: 127—136. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.10. (In Russ.).
- Severtseva, O. V., Veremenko, V. A. (2018). Raschetnyye knizhki rabotnits promyshlennykh predpriyatiy Sankt-Peterburga kontsa XIX — nachala XX veka [Payment books of female workers of industrial enterprises of St. Petersburg at the end of the XIX—beginning of the XX century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University: electronic scientific journal], 3 (27): 149—157. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.14. (In Russ.).
- Sinova, I. V. (2014). *Deti v gorodskom rossiyskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.: problemy sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya* [Children in the urban Russian society in the second half of the XIX — early XX century: problems of socialization, deviance and abuse]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 287 p. (In Russ.).
- Vakhromeeva, O. B. (2009). Polozheniye peterburgskikh fabrichnykh rabotnits v kontse XIX — nachale XX v.: sotsialno-ekonomicheskyy aspekt (po materialam TsGIA Spb) [Situation of St. Petersburg factory workers in the late XIX — early XX century: socio-economic aspect (based on materials from the Central State Archive of St. Petersburg)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 1: 101—106. (In Russ.).

- Valetov, T. Ya. (2008). Chem zhili rabochie lyudi v gorodakh Rossiyskoy imperii kontsa XIX — nachala XX v. [How did workers live in the cities of the Russian Empire at the end of the 19th — beginning of the 20th century?]. In: *Sotsialnaya istoriya: ezhegodnik*, 2007 [Social history: yearbook, 2007]. Moskva: Rosspen. 176—196. (In Russ.).
- Veremenko, V. A., Tropov, I. A. (2001). Reformy i mikrosotsialnyye protsessy v Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [Reforms and microsocial processes in Russia (second half of the XIX — early XX centuries)]. In: *Sotsialno-ekonomicheskaya i politicheskaya modernizatsiya v Rossii (XIX—XX vv.): sbornik nauchnykh statey* [Socio-economic and political modernization in Russia (XIX—XX centuries)]. Sankt-Peterburg: Klio. 55—63. (In Russ.).
- Volkov, V. V. (2018). Zarabotnaya plata russkikh rabochikh v kontse XIX — nachale XX v. [Wages of Russian workers in the late XIX — early XX century]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 10. 67—89. (In Russ.).
- Voskresenskaya, M. A. (2017). Issledovaniye kulturnoy problematiki v predmetnom pole istoricheskoy nauki [Research of cultural problems in the subject field of historical science]. In: *Istoriik. Vremya. Obshchestvo: sbornik trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN Rafaila Sholomovicha Ganelina (1926—2014)* [Historian. Time. Society: a collection of works dedicated to the 90th anniversary of the birth of corresponding member. RAS Rafail Sholomovich Ganelin (1926—2014)]. Moskva: Novyy khronograf. 184—208. (In Russ.).